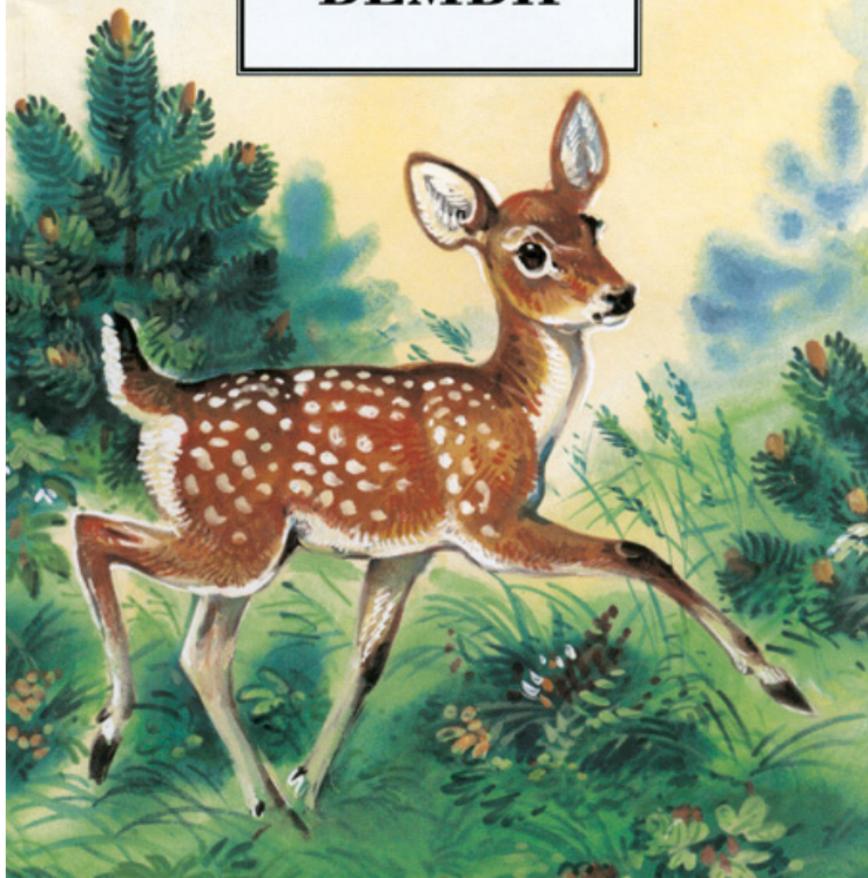

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Р. Зальтен

БЕМБИ

Феликс Зальтен

Бемби

**Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24918115

*Зальтен Ф. Бемби : лесная сказка / Феликс Зальтен ; пересказ с нем.
Ю. М. Нагибина; Рис. В. В. Бастрыкина: Детская литература; Москва;
2001*

ISBN 5-08-003990-6

Аннотация

Широко известная повесть-сказка об олененке Бемби, о жизни обитателей леса, о вторжении в их жизнь человека.

Содержание

Лесная сказка Феликса Зальтена	5
Бемби	7
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Феликс Зальтен

Бемби

© Издательство «Детская литература». Оформление серии, предисловие, 2001

© Ю. М. Нагибин. Пересказ, наследники

© В. В. Бастрыкин. Рисунки, 2001

Лесная сказка Феликса Зальтена

Дорогие друзья, перед вами удивительная книга известного австрийского писателя Феликса Зальтена. Его настоящее имя – Зигмунд Зальцман (1869–1945), он родился в Будапеште, но почти всю жизнь прожил в столице Австрии – Вене. Феликс Зальтен принимал активное участие в деятельности кружка литераторов при журнале «Современная поэзия», вел постоянную рубрику в газете «Свободный театр». Он был достаточно известен как автор романов, пьес, многочисленных статей о музыке и литературе. Но настоящая известность пришла к Зальтену в 20-е годы прошлого века, когда писатель начал сочинять книги для детей. Главным в воспитании человека Феликс Зальтен считал «воспитание сердца», чему и посвящены его роман «Флорентийская собака» (1921), повести-сказки «Судьбы пятнадцати зайцев» (1929), «Хорошее общество» (1930), «Флориан – лошадь императора» (1933).

Самая известная в России книга Феликса Зальтена – его лесная сказка «Бемби» (1923). Это история олененка Бемби, который сталкивается в лесу с суровыми законами борьбы за выживание. Со сцен убийства и драки начинается первый день новорожденного олененка. Бемби взрослеет и смиряется с таким укладом жизни, но не принимает его. Он сохраняет присущие его роду качества: доброту, благородство и со-

страдание. Мир лесных обитателей, окружающих Бемби, наполнен не только борьбой, но и чудесами. Это и загадочный язык животных и птиц, и сказочные узоры на крыльях бабочки, и лесные тайники, загадки природы, которые сложно понять человеку. Вообще человек в сказке «Бемби» изображен существом без имени, вселяющим ужас. Человек расставляет в лесу силки и капканы, выходит на охоту со смертоносным оружием. Хотя автор изображает человека как носителя злого начала, Феликс Зальтен убежден в возможности разумного контакта человека и природы. Его книга – это попытка подтолкнуть читателя к поиску путей достижения такого контакта. Природа всегда готова принять доброту человека, если это искренняя доброта. «Закон жизни – это борьба», – говорит взрослый Бемби в финале сказки, но его сердце навсегда остается открытым добру.

Бемби

Он появился на свет в дремучей чащобе, в одном из тех укромных лесных тайников, о которых ведают лишь исконные обитатели леса.

Его большие мутные глаза еще не видели, его большие мягкие уши еще не слышали, но он уже мог стоять, чуть пошатываясь, на своих тонких ножках, и частая дрожь морщила его блестящую шкурку.

– Что за прелестный малыш! – воскликнула сорока. Она летела по своим делам, но сейчас разом обо всем забыла и уселась на ближайший сучок. – Что за прелестный малыш! – повторила она.

Ей никто не ответил, но сорока ничуть не смутилась.

– Это поразительно! – тараторила сорока. – Такой малютка – и уже может стоять и даже ходить! В жизни не видала ничего подобного. Правда, я еще очень молода, что вам, наверно, известно, – всего год, как из гнезда... Но нет, это поистине изумительно и необыкновенно! Впрочем, я считаю, что у вас, оленей, все изумительно и необыкновенно. Скажите, а бегать он тоже может?

– Конечно, – тихо ответила мать. – Но извините меня, пожалуйста, я не в состоянии поддерживать беседу. У меня столько дел... к тому же я чувствую себя немного слабой.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – поспешно сказала сорока. – У меня самой нет ни минутки времени. Но я так поражена!.. Подумать только, как сложно проходят все эти вещи у

нас, сорок! Дети вылупляются из яиц такими беспомощными! Они ничего, ну ничего не могут сделать для себя сами. Вы не представляете, какой за ними нужен уход! И они все время хотят есть. Ах, это так трудно – добывать пропитание и следить, чтоб с ними чего не приключилось! Голова идет кругом. Разве я не права? Ну согласитесь со мной! Просто не хватает терпения ждать, пока они оперятся и приобретут мало-мальски приличный вид!

– Простите, – сказала мать, – но я не слушала.

Сорока улетела. «Глупое создание! – думала сорока. – Удивительное, необыкновенное, но глупое».

Мать не обратила никакого внимания на исчезновение сороки. Она принялась мыть новорожденного. Она мыла его языком, бережно и старательно, волосок за волоском, выливая шкурку сына. И в этой нежной работе было все: и ванна, и согревающий массаж, и ласка.

Малыш немного пошатывался. От прикосновений тепло материнского языка им овладела сладкая истома, он опустился на землю и замер. Его красная влажная, растрепанная шубка была усеяна белыми крапинками, неопределившееся, детское лицо хранило тихое, сонное выражение.

...Лес густо порос орешником, боярышником и бузиною. Рослые клены, дубы и буки зеленым шатром накрывали чашу; у подножий деревьев росли пышные папоротники и лесные ягоды, а совсем внизу ластились к смуглой, бурой земле листочки уже отцветших фиалок и еще не зацветшей земля-

ники.

Свет раннего солнца проникал сквозь листву тонкими золотыми нитями. Лес звенел на тысячи голосов, он был весь пронизан их веселым волнением. Без устали ворковали голуби, свистели дрозды, сухонько пощелкивали синицы и звонко бил зяблик. В эту радостную музыку врывались резкий, злой вскрик сыча и металлическое гуканье фазанов. Порой всю многоголосицу заглушало звенящее, взхлеб, ликование дятла.

А в выси, над кронами деревьев, неумолчно металлическими, гортанными голосами ссорились вороны и, прорезая их хриплое, назойливое бормотание, долетали светлые, гордые ноты соколиного призыва.

Малыш не различал голосов, не узнавал напевов, он не понимал ни одного слова в напряженном и бурном лесном разговоре. Не воспринимал он и запахов, которыми дышал лес. Он чувствовал лишь нежные, легкие толчки, проникавшие сквозь его шубку в то время, как его мыли, обогревали и целовали. Он вдыхал лишь близкое тепло матери. Тесно прижался он к этому мягкому, ароматному теплу и в неумелом голодном поиске отыскивал добрый источник жизни.

И пока сын пил из нее благостную влагу, мать тихо шептала: «Бемби». Она вскидывала голову, прядала ушами и чутко втягивала ноздрями воздух. Затем, успокоенная и счастливая, целовала своего ребенка.

– Бемби, – говорила она, – мой маленький Бемби!

Ранней летней порой воздух тих, деревья стоят недвижно, простирая руки-ветви к голубому небу, и молодое солнце изливает на них свою щедрую силу.

Белые, красные, желтые звездочки усеяли живую изгородь кустарника. А другие звездочки зажглись в траве. Сумеречная лесная глубь сверкает, пылает всеми красками цветения.

Лес крепко и остро благоухает свежей листвой, цветами, влажной землей, юными нежно-зелеными побегами. Все звонче и богаче его многоголосье; погуд пчел, жужжание ос, низкий звук шмелиной трубы влились в лесной оркестр. Первая пора детства Бемби...

...Бемби шел за матерью по узкой тропе, пролежавшей между кустами. Это было приятное путешествие. Густая листва, уступая дорогу, мягко колотила его по бокам. Ему то и дело мерещились неодолимые преграды, но преграды рушились от одного его прикосновения, и он спокойно шел дальше. Тропинок было не счесть, они во всех направлениях исчертили лес. И все они были знакомы его матери. Когда Бемби остановился перед непроницаемой зеленой стеной жимолости, мать мгновенно отыскала лаз.

Бемби так и сыпал вопросами. Он очень любил спрашивать. Для него не было большего удовольствия, чем задавать вопросы и выслушивать ответы матери. Бемби казалось вполне естественным, что вопросы возникают у него на каждом шагу. Он восхищался собственной любознательностью. Но особенно восхитительным было то нетерпеливое чувство, с каким он ожидал ответа матери. Пусть он порой и не все понимал, но тогда он мог спрашивать дальше, и это тоже было прекрасно. Иногда Бемби нарочно не спрашивал дальше, пытаясь своими силами разгадать непонятное, и это тоже было прекрасно. Подчас он испытывал чувство, будто мать нарочно чего-то недоговаривает. И это тоже было пре-

красно, потому что наполняло его ощущением таинственности и неизведанности жизни, что-то сладко умирало в нем, пронзая все его маленькое существо счастливым страхом перед величием и неохватностью подаренного ему мира.

Вот сейчас он спросил:

– Кому принадлежит эта тропа, мама?

А мать ответила:

– Нам.

Бемби спросил:

– Тебе и мне?

– Да.

– Нам обоим?

– Да.

– Нам одним?

– Нет, – ответила мать. – Нам, оленям.

– Что это такое – олени? – спросил Бемби, смеясь.

Мать посмотрела на сына и тоже рассмеялась:

– Ты – олень, я – олень, мы – олени. Понимаешь?

От смеха Бемби подпрыгнул высоко в воздух.

– Понимаю. Я – маленький олень, ты – большой олень.

Правильно?

Мать кивнула.

– А есть еще олени, кроме тебя и меня? – став серьезным, спросил Бемби.

– Конечно, – ответила мать. – Много-много оленей.

– Где же они? – воскликнул Бемби.

– Здесь... всюду.

– Но я их не вижу!

– Ты их увидишь.

– Когда? – Охваченный любопытством, Бемби остановился.

– Скоро, – спокойно сказала мать и пошла дальше.

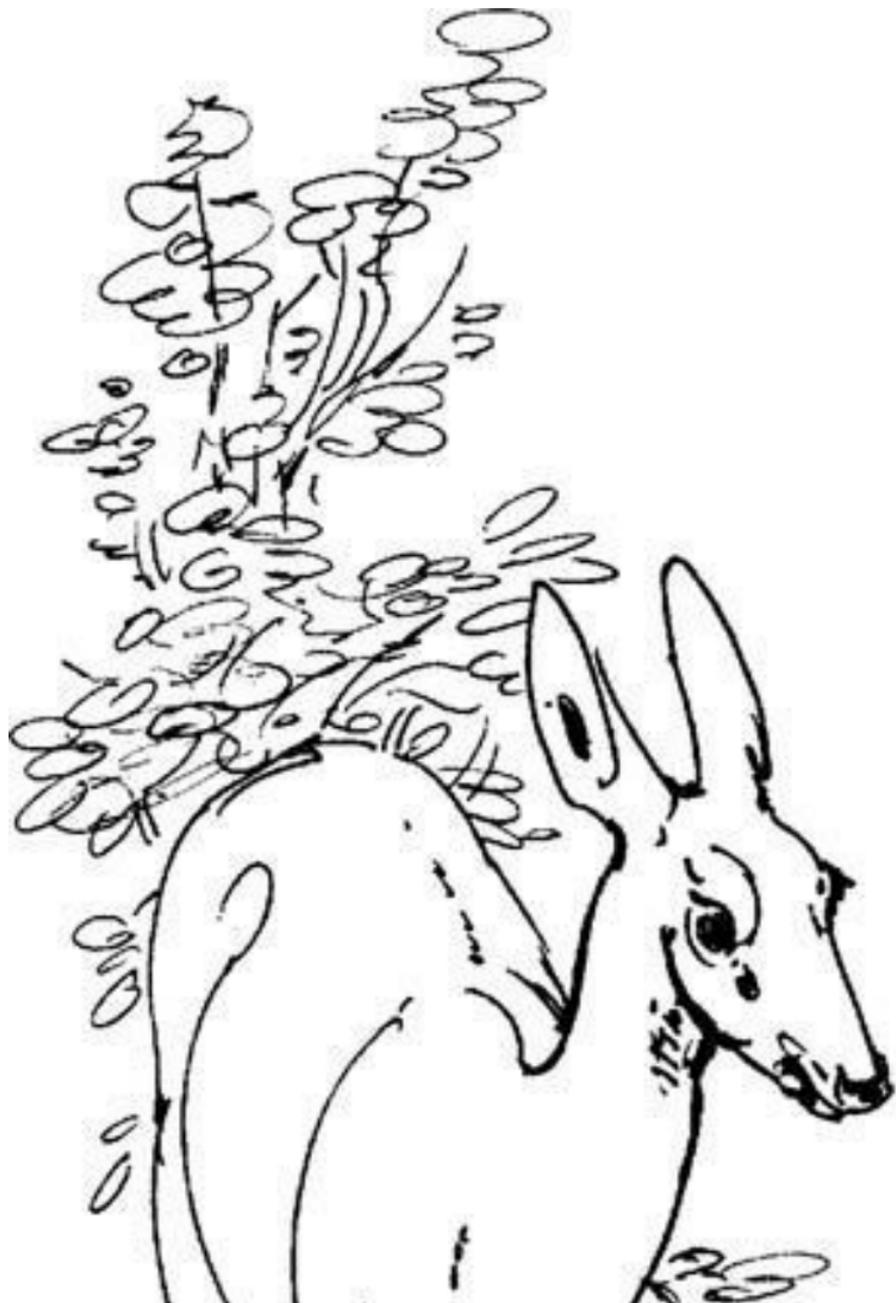
Бемби последовал за ней. Он молчал, раздумывая над тем,

что значит «скоро». Ясно, что «скоро» – это не «сейчас», это «потом». Но ведь «потом» может быть и «не скоро».

Вдруг он спросил:

– А кто проложил эту тропу?

– Мы, – ответила мать.

Бемби посмотрел удивленно:

– Мы? Ты и я?

Мать ответила:

– Ну, мы – олени.

Бемби спросил:

– Какие?

– Мы все, – ответила мать.

И они пошли дальше.

Бемби развеселился. Он храбро прыгал в сторону от до-
роги, но тут же возвращался к матери.

Вдруг что-то зашуршало в траве. Закачались папоротни-
ки, тонкий, как ниточка, голосочек жалко пропищал, затем
все смолкло, лишь тихо шептались стебельки и травы, рас-
тревоженные чьим-то незримым бегом.

Это хорек охотился за мышью. Вот он прошмыгнул мимо
них, осмотрелся и принялся уничтожать добычу...

– Что это было? – возбужденно спросил Бемби.

– Ничего, – сказала мать.

– Но... – Бемби дрожал. – Я же видел...

– Не бойся, – сказала мать. – Это всего-навсего хорек убил
мышь. – И она повторила: – Не бойся.

Но Бемби был ужасно испуган, незнакомое щемящее,
жалкое чувство проникло к нему в сердце.

Долго не мог он вымолвить слова, потом спросил:

– Зачем он убил мышь?

– Зачем?.. – Мать колебалась. – Пойдем скорей! – проговорила она, будто ей что-то внезапно пришло на ум.

Она быстро устремилась вперед, и Бемби пришлось потрудиться, чтоб не отстать от матери. Он скакал изо всех силенок, а мать молчала, она как будто забыла о его вопросе.

Когда же они снова пошли обычным шагом, Бемби спросил подавленно:

– А мы тоже когда-нибудь убьем мышь?

– Нет, – ответила мать.

– Никогда?

– Никогда.

– А почему так? – с облегчением спросил Бемби.

– Потому что мы никогда никого не убиваем, – просто сказала мать.

Они проходили мимо молодого ясеня, когда сверху слышался громкий, злой крик. Мать спокойно продолжала путь, но Бемби, полный нового любопытства, остановился. Высоко в ветвях над лохматым гнездом ссорились два ястреба.

– Убирайся отсюда, негодяй! – кричал один.

– Не очень-то задавайся, болван! – отвечал другой. – Мы и не таких видывали!

– Вон из моего гнезда! – бесновался первый. – Разбойник! Я размозжу тебе голову! Такая подлость! Такая низость!

Другой, заметив стоящего под деревом Бемби, слетел на

нижнюю ветку и гаркнул:

– А тебе чего надо, морда? Пошел вон!

Бемби скакнул прочь, нагнал мать и пошел за ней следом, притихший и напуганный. Мать не подавала виду, что заметила его короткое отсутствие, и через некоторое время Бемби заговорил сам:

– Мама, что такое подлость?

Мать сказала:

– Я не знаю.

Бемби немного подумал, затем начал снова:

– Мама, а почему те двое так злились друг на друга?

Мать ответила:

– Они повздорили из-за еды.

Бемби спросил:

– А мы, олени, тоже ссоримся из-за еды?

– Нет, – сказала мать.

– Почему нет?

– Потому что тут достаточно еды для всех нас.

Но Бемби хотелось еще кое-что узнать.

– Мама...

– Что тебе?

– А мы, олени, злимся когда-нибудь друг на друга?

– Нет, маленький, у нас, оленей, этого не бывает.

Они шли дальше. В какой-то миг перед ними разверзлась широкая светлая, слепяще светлая щель. Там кончалась живая изгородь кустарника, обрывалась тропа. Еще несколько

шагов – и перед ними во все стороны распахнулся залитый солнцем простор. Бемби хотел прыгнуть вперед, но мать стояла недвижно.

– Что это такое? – воскликнул он нетерпеливо, очарованный новой прелестью мира.

– Поляна, – ответила мать.

– А что такое поляна?

– Это ты скоро сам увидишь, – строго сказала мать.

Она стала серьезной и настороженной. Вскинув голову, она к чему-то напряженно прислушивалась и глубоко втягивала ноздрями воздух.

– Все спокойно, – произнесла она наконец.

Бемби прыгнул вперед, но мать преградила ему дорогу:

– Жди, когда я тебя позову.

Бемби послушно остановился.

– Вот так, – одобрила мать. – А теперь слушай меня внимательно.

Бемби чувствовал скрытое волнение в голосе матери. Он напряг все свое внимание.

– Это не так просто – идти на поляну, – сказала мать. – Это трудное и опасное дело. Не спрашивай почему – когда-нибудь ты и сам узнаешь. А сейчас запомни хорошенько, что я тебе скажу. Обещаешь?

– Да, – ответил Бемби.

– Так вот. Сперва я пойду одна. Ты стой здесь и не спускай с меня глаз. Если увидишь, что я бегу назад, то и ты беги прочь, беги как можно быстрее. Я уж догоню тебя.

Она замолчала, о чем-то думая, затем продолжала глубоким, проникновенным голосом:

– Во всяком случае беги, беги изо всех сил. Беги... если даже что случится со мной... Если увидишь, что я... что я упала... не обращай внимания. Что бы ты ни увидел, что бы ни услышал – прочь отсюда, немедленно прочь... Обещаешь?

– Да, – сказал Бемби тихо.

– А сейчас мы пойдем на поляну, сперва я, потом ты. Тебе там очень понравится. Ты будешь играть, бегать. Только обещай, что при первом же моем зове ты будешь около меня. Обещаешь?

– Да, – сказал Бемби еще тише – ведь мать говорила так серьезно.

– Когда ты услышишь мой зов, не глазей по сторонам, ни о чем не спрашивай, а сразу, как ветер, лети ко мне. Без промедлений, без раздумий. Запомни это. Если я побегу, мчись за мной и не останавливайся, пока мы не очутимся в чаще. Ты не забудешь?

– Нет, – ответил Бемби с тоской.

– А теперь я пойду, – сказала мать и двинулась вперед.

Она выступала медленно, высоко поднимая ноги. Бемби не спускал с нее глаз. Любопытство, страх, ожидание чего-то необычайного боролись в его душе. Он видел, как мать сторожко прислушивалась, видел, как напряжено ее тело, и сам напрягся, готовый в любую секунду броситься наутек. Но вот мать вытянула шею, удовлетворенно осмотрелась и крикнула:

– Иди сюда!

Бемби прыгнул вперед. Огромная радость, охватившая его с волшебной силой, прогнала страх. В чаще он видел лишь зеленый свод листвы, сквозивший кое-где голубыми крапинами неба. А сейчас ему открылась вся неохватная го-

лубизна небесного свода, и он чувствовал себя счастливым, сам не ведая почему. В лесу он почти не знал солнца. Он думал, что солнце – это широкие полосы света, скользящие по стволам деревьев, да редкие блики в листве. А сейчас он стоял в ослепительном сиянии, в благостном царстве тепла и света; чудесная властная сила закрывала ему глаза и открывала сердце.

Бемби был потрясен, опьянен, одурманен. Он подпрыгивал на месте – два, три, четыре, пять, шесть... десять раз. Это делалось помимо его воли, он и не прыгал даже – его подбрасывало в воздух. Его юные члены так напрягались, его грудь дышала так полно и глубоко ароматным, пряным воз-

духом поляны, что его возносило кверху.

Ведь Бемби был ребенком. Будь он сыном человеческим, он бы громко кричал от счастья. Но он был олененком, а оленятам недоступно выражение радости на человеческий лад. Бемби ликовал по-своему.

Мать видела его беспомощные, смешные прыжки и все понимала. Бемби знал лишь узкие оленьи тропы, в короткий век своего существования он свyksя с теснотой чащобы, он не ведал, что такое простор и как им пользоваться.

Она наклонила голову и стремительно кинулась вперед. Бемби засмеялся, а через секунду и сам припустил за ней следом, да так, что высокие травы громко зашуршали. Это испугало Бемби, он остановился, не зная, как ему поступить. И тут, сопровождаемая тем же странным шелестом, крупными прыжками приблизилась к нему мать, со смехом пригнулась, крикнула:

– А ну, ищи меня! – и миг исчезла.

Бемби был озадачен. Что бы это могло означать? Куда девалась мать? Но вот она показалась снова, быстро пронеслась мимо, ткнула его на бегу носом и крикнула:

– А ну, поймай меня!

Бемби бросился за ней. Два, три шага... Но это не шаги, это легкие, парящие скачки. Его несло над землей, он был охвачен волнующим ощущением полета. Лишь на краткий миг касался он земли и снова уносился в пространство. Рослые травы шелестели у самых его ушей, то мягко и ласко-

во, то шелковисто-упруго охлестывали они его стремящееся вперед тело. Он мчался без цели и направления, кидался из стороны в сторону, а затем опять описывал круги в сладостно-дурманном полете.

Мать следила за ним затаив дыхание.

Бемби самозабвенно резвился. Впрочем, это продолжалось не так уж долго. Высоким, грациозным шагом приблизился он к матери и заглянул ей в глаза влажным от счастья взором. Теперь они стали прогуливаться неторопливо, бок о бок.

До сих пор Бемби воспринимал простор, солнце, небо как бы телесно; ему грело спинку, ему легко и свободно дышалось, он испытал радость свободного, ничем не ограниченного движения, но лишь на краткий миг его ослепленному взгляду открылась мерцающая голубизна неба. А сейчас он впервые наслаждался всей полнотой видения. На каждом шагу его восхищенному и жадному взгляду открывались всё новые чудеса поляны.

Здесь совсем не было потайных уголков, как в глубине леса. Каждое местечко просматривалось до последнего стебелька, до самой крошечной травинки, и так манило поваляться, понежиться в этой чудной благоуханной мягкости! Зеленый простор был усеян белыми звездочками маргариток, толстенькими головками фиолетовой и розовой кашки, золотыми свечками львиного зева.

– Смотри, мама! – воскликнул Бемби. – Цветочек полетел!

– Это не цветок, – сказала мать. – Это бабочка.

Бемби изумленно смотрел на мотылька, который то кружился в полете, то присаживался на стебелек, то вновь взмывал ввысь. Теперь Бемби видел, что множество таких же мотыльков кружится над поляной, стремительно и вместе плавно опускаясь на облюбованный стебелек. Они и в самом деле напоминали летающие цветы, веселые цветы, покинувшие свои докучно неподвижные стебли, чтобы немного потанцевать. А еще они казались цветами, спустившимися с солнца. Чужаки на земле, они без усталости ищут пристанища, но все лучшие стебли заняты земными цветами; им ничего не остается, как продолжать свой тщетный поиск...

Бемби хотелось рассмотреть бабочку вблизи или хотя бы проследить полет одной бабочки, но они мелькали так быстро, что кружилась голова.

Когда взгляд его снова обратился к земле, он заметил, что каждый его шаг подымает из травы тысячи крошечных проворных существ. Они прыскали во все стороны мелким зеленым дождиком и, лишь на краткий миг обнаружив свое существование, вновь поглощались зеленым покровом земли.

– Что это такое, мама? – спросил Бемби.

– Так... Всякая мелочь, – ответила мать.

– Нет, ты посмотри! – вскричал Бемби. – Травинка, а пры-

гает!.. И как высоко прыгает!

– Какая же это травинка? – сказала мать. – Это самый настоящий кузнечик.

– Зачем же он так прыгает? – спросил Бемби.

– Мы испугали его.

– О! – Бемби повернулся к кузнечику, усевшемуся на стебель маргаритки. – О! Вы напрасно пугаетесь, мы не сделаем вам ничего плохого, – сказал Бемби вежливо.

– Я не из пугливых, – скрипучим голосом ответил кузнечик. – Я только в первый момент немного испугался. От неожиданности. Я разговаривал с женой...

– Извините, пожалуйста, – сказал Бемби огорченно. – Мы вам помешали...

– Не беда, – проскрипел кузнечик. – Раз это вы – не беда. Но ведь никогда не знаешь заранее, кто идет. Приходится быть начеку.

– Видите ли, – доверительно начал Бемби, – я первый раз в жизни попал на поляну. Моя мать...

Кузнечик капризно склонил голову, нахмурился и проскрипел:

– Знаете, меня это нисколько не интересует. У меня нет времени выслушивать болтовню. Меня ждет жена. Хоп!.. – И он исчез.

– Хоп! – повторил Бемби, ошеломленный изумительным прыжком кузнечика.

Он подбежал к матери:

– Знаешь... я говорил с ним!

– С кем?

– С кузнечиком. Он очень приветливый. И мне он тоже понравился. Он такой зеленый, а потом вдруг стал совсем прозрачным, прозрачней самого тоненького листа.

– Это крылья, – сказала мать. – Он выпустил крылья.

– Да? – Бемби продолжал свой рассказ: – У него такое серьезное, задумчивое лицо. И очень милое. А как он прыгает! Наверно, это ужасно трудно. Сказал «хоп» и сразу пропал.

Они пошли дальше. Беседа с кузнечиком разволновала и немного утомила Бемби – ведь он никогда еще не беседовал с посторонними. Он почувствовал, что должен подкрепить свои силы, и потянулся к матери.

Когда он вновь стоял спокойно в нежном дурмане того легкого опьянения, какое всегда испытывал, насытившись из тела матери, он заметил в плетении травинок светлый, подвижный цветок. Нет, это не цветок, это опять бабочка. Бемби подкрался ближе.

Мотылек лениво повис на стебельке и тихонько двигал крылышками.

– Пожалуйста, посидите вот так! – попросил Бемби.

– Почему я должен сидеть? Я же бабочка! – удивленно отозвался мотылек.

– Ах, посидите хоть одну минуточку! – умолял Бемби. – Мне так хотелось увидеть вас вблизи. Окажите милость!..

– Ну, если вы так просите, – снисходительно сказала белянка. – Только недолго.

– Как вы прекрасны! – восторгался Бемби. – Вы прекрасны, как цветок!

– Что? – Бабочка захлопала крылышками. – Как цветок? В нашем кругу принято считать, что мы красивее цветов.

Бемби смутился.

– Конечно... – пробормотал он. – Куда красивее. Извините, пожалуйста... Я только хотел сказать...

– Мне совершенно безразлично, что вы хотели сказать, – оборвал его мотылек.

Он жеманно изгибал свое хилое тельце, кокетливо двигал усиками.

– Как вы прелестны! – восхищался Бемби. – Что за чудо эти белые крылья!

Мотылек расправил крылышки, затем плотно сложил их парусом.

– О! – воскликнул Бемби. – Теперь я вижу: вы куда красивее любого цветка! К тому же вы еще можете летать, а цветы не могут. Ведь они привязаны к одному месту.

– Хватит, – сказал мотылек. – Я действительно могу ле-

тать.

Он так легко вспорхнул, что Бемби не уловил момента взлета. Мотылек плавно и грациозно взмахивал белыми крыльшками и вот уже парил в сиянии солнечного луча.

– Только по вашей просьбе просидел я так долго на одном месте, – сказал он, порхая вокруг Бемби, – но теперь я улетаю.

И все это было поляной...

В глубине леса хоронилось убежище, принадлежавшее матери Бемби. Маленькая хижина, настолько тесная, что Бемби и его матери едва хватало места, настолько низенькая, что, когда мать стояла, голова ее упиралась в ветви, образующие потолок. Всего в нескольких шагах от хижины проходила оленья тропа, и все же хижину было очень трудно, почти невозможно обнаружить. Надо было знать особую приметку, скрытую в кустарнике...

Густое плетение орешника, боярышника и бузины лишало хижину даже того скудного света, который проникал в лес сквозь кроны деревьев; ни один лучик солнца не достигал травяного пола хижины. Здесь, в этой хижине, появился на свет Бемби, здесь ему предстояло жить.

Сейчас усталая мать крепко спала. Бемби тоже было задремал, но вдруг проснулся, полный свежих жизненных сил. Он вскочил на ноги и огляделся. Хижина была погружена в тень, и можно было подумать, что уже наступили сумер-

ки. Лес негромко шелестел. По-прежнему слышался слабый писк синицы, порой высокий хохоток дятла или радостный крик вороны. Но все эти отдельные звуки тонули в большой тишине, объявшей полдневный мир. Если же хорошенько прислушаться, то можно было уловить, как в раскаленном зное кипит воздух. Истомная духота наполняла хижину.

Бемби наклонился к матери:

– Ты спишь?

Нет, мать уже не спала. Она проснулась в тот самый миг, когда Бемби вскочил на ноги.

– А что мы сейчас будем делать? – спросил Бемби.

– Ничего, – ответила мать. – Нам нечего делать. Ложись спать.

Но спать Бемби совсем не хотелось.

– Пойде-ом, – завел он. – Пойдем на поляну.

Мать подняла голову:

– На поляну? Сейчас... на поляну?

Страх, звучавший в ее голосе, передался Бемби.

– Разве сейчас нельзя на поляну? – спросил он робко.

– Нет, – резко и твердо прозвучал ответ. – Нет, сейчас это невозможно.

– Почему? – Бемби чувствовал, что за этим скрывается что-то таинственное и грозное. Но вместе со страхом росло в нем желание знать все, до самого конца. – Почему мы не можем пойти на поляну?

– Ты все узнаешь, когда подрастешь.

– А я хочу сейчас, – не отставал Бемби.

– В свое время ты узнаешь, – повторила мать. – Ты еще маленький, а с детьми не говорят о таких вещах. Сейчас... на поляну!.. Как можно думать об этом?.. Средь бела дня...

– Но ведь мы уже были на поляне, – возразил Бемби.

– Это совсем другое дело, – сказала мать. – Мы были ранним утром.

– Разве только ранним утром можно ходить на поляну?

Бемби был очень любопытен, но терпение не изменяло матери.

– Да, ранним утром, или поздно вечером, или ночью.

– И никогда днем? Никогда?..

Мать колебалась.

– Бывает, что некоторые из нас ходят туда и днем, – сказала она наконец. – Но я не могу тебе всего объяснить, ты слишком мал... Те, кто ходит туда, подвергают себя великой опасности.

– А что значит «великая опасность»?

Бемби был очень упрям, когда его что-либо интересовало.

– Вот теперь ты видишь сам, что тебе этого не понять, – уклонилась мать от ответа.

Бемби казалось, что он мог бы все понять, если б мать захотела ему объяснить как следует. Но он замолчал.

– Мы все любим день, – продолжала мать, – особенно в детстве. И все же днем мы должны затаиваться. Только с вечера до утра можем мы свободно гулять. Понимаешь?

– Да...

– Вот потому-то, дитя мое, мы и должны оставаться дома. Здесь мы в безопасности... А теперь ложись спать.

Но Бемби никак не мог угомониться.

– Почему здесь мы в безопасности? – спросил он.

– Потому что нас охраняют кусты, валежник и старые, прошлогодние листья, потому что в вышине несет свой дозор ласточка. Все они наши друзья, в особенности старые, сухие листья, устилающие землю. Чужой может подкрасться, не потревожив кустарника, не хрустнув сучком валежника, он может обмануть даже зоркий глаз ласточки, но ему не обмануть старую, пожухлую, вялую и чуткую прошлогоднюю листву. Она тут же подаст нам знак сухим и громким шорохом. И мы задолго узнаем о приближении чужака.

– А что такое «прошлогодняя листва»? – осведомился Бемби.

– Поди сядь подле меня, – сказала мать. – Я расскажу тебе.

Бемби послушно уселся рядом с матерью, и та начала свой рассказ. Оказывается, деревья не всегда зеленеют и солнце не всегда льет с неба свое щедрое тепло. Наступает пора, когда солнечный свет слабеет и холод окутывает землю. Тогда листья теряют свою свежую зеленую окраску, желтеют, краснеют, буреют и медленно опадают. И лишившиеся своего наряда деревья, словно жалкие нищие, простирают к небу голые, черные, обобранные ветви. Опавшая листва устилает землю и громко шуршит при каждом прикосновении. Попробуй-ка подкрасься незамеченным! О, эти добрые сухие листья – усердные и неусыпные стражи! Даже сейчас, среди лета, схоронившись под свежей травой, несут они свою верную службу...

Бемби прижался к матери, он забыл о поляне. Когда мать кончила рассказывать, он глубоко задумался. В нем пробудилась любовь к милым старым листьям, так прилежно творящим свою добрую работу, несмотря на то что они увяли и давно утратили тепло жизни. Но что же такое, в конце концов, «опасность», о которой постоянно твердит мать? Раздумье утомило его. Кругом было тихо, лишь снаружи приглушенно кипел на жаре воздух. И Бемби уснул.

Однажды вечером Бемби вновь пришел с матерью на поляну. Он думал, что знает поляну вдоль и поперек, что он видел там все, что можно увидеть, слышал все, что можно услышать.

Но оказалось, мир куда богаче и разнообразнее, нежели

он себе представлял.

Вначале все было так же, как и в первый раз. Он долго играл с матерью в веселую игру «догонялку». Он самозабвенно носился по поляне, хмельной от воздуха, простора и небесной голубизны, как вдруг заметил, что мать остановилась. Бемби затормозил так круто, что все его четыре ноги разъехались в разные стороны, и ему пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы снова собрать их под собой.

Судя по всему, мать с кем-то разговаривала, но высокие травы скрывали ее собеседника. Бемби подошел ближе. Рядом с матерью в метелках травы шевелились два уха, два больших серо-коричневых, разрисованных черными полосками уха. Бемби никогда не видел таких ушей и немного оробел, но мать сказала:

– Иди сюда. Это наш друг заяц. Подойди, не бойся и дай на себя посмотреть.

Бемби не заставил себя просить дважды. Он шагнул вперед и тут же увидел зайца. Его большие, похожие на ложки уши то вскидывались кверху, то вдруг падали, как будто от внезапного приступа слабости.

Бемби смутили усы зайца, торчащие во все стороны вокруг маленького рта прямыми длинными стрелами. Но это не помешало ему заметить, что лицо у зайца симпатичное, с хорошим, открытым выражением и глядит он на мир двумя блестящими круглыми глазами. Нет, в дружелюбии зайца невозможно было усомниться.

– Добрый вечер, молодой человек, – приветствовал его заяц с изысканной любезностью.

Бемби только кивнул: «Добрый вечер». Он и сам не знал, почему он ограничился кивком, очень приветливым, очень учтивым, но все же чуточку снисходительным. Должно быть, это было у него врожденное.

– Что за прелестный юный принц! – сказал заяц.

Он разглядывал Бемби, ставя торчком то одно ухо, то другое, порой вскидывая их одновременно, порой бессильно роняя. Эта манера не понравилась Бемби, в ней было что-то нарочитое.

А заяц все рассматривал Бемби большими круглыми глазами. При этом его нос и рот с великолепными усами беспрестанно двигались, будто он превозмогал желание чихнуть. Бемби рассмеялся. Тотчас засмеялся и заяц, лишь глаза его оставались задумчивыми.

– Поздравляю вас, – сказал он матери, – от всего сердца поздравляю с таким сыном. Да, да, да, это истинный принц... да, да, да, иначе его не назовешь...

Заяц выпрямился и, к немалому удивлению Бемби, уселся на задние ноги. Поставив уши торчком, он внимательно прислушался, затем опробовал воздух своим подвижным носом и снова чинно опустился на все четыре ноги.

– Мое почтение достойным господам, – сказал заяц. – У меня столько дел сегодня вечером! Покорнейше прошу извинить меня.

Он повернулся и поскакал прочь, тесно прижав уши, достигавшие ему до середины спины.

– До свидания! – крикнул ему вдогонку Бемби.

Мать улыбнулась:

– Славный заяц!.. Такой милый и скромный. Ему тоже нелегко живется на свете. – В ее словах чувствовалась глубокая симпатия.

Пока мать обедала, Бемби пошел немного побродить. Он рассчитывал встретить кого-либо из старых знакомых и завязать новые знакомства. Не то чтобы он в этом особенно нуждался, но ему приятно было самое чувство ожидания. Вдруг до его слуха долетел какой-то шорох и словно бы негромкий топот. Он присмотрелся. Вдалеке, на опушке леса, что-то промелькнуло в траве. Какое-то существо... за ним второе. Бемби быстро оглянулся на мать. Но та, ничуть не тревожась, глубоко погрузила голову в траву. А неизвестные существа бегали по кругу точь-в-точь, как проделывал это сам Бемби. Он был озадачен и невольно подался назад, словно намереваясь пуститься наутек. Мать заметила его волнение и подняла голову.

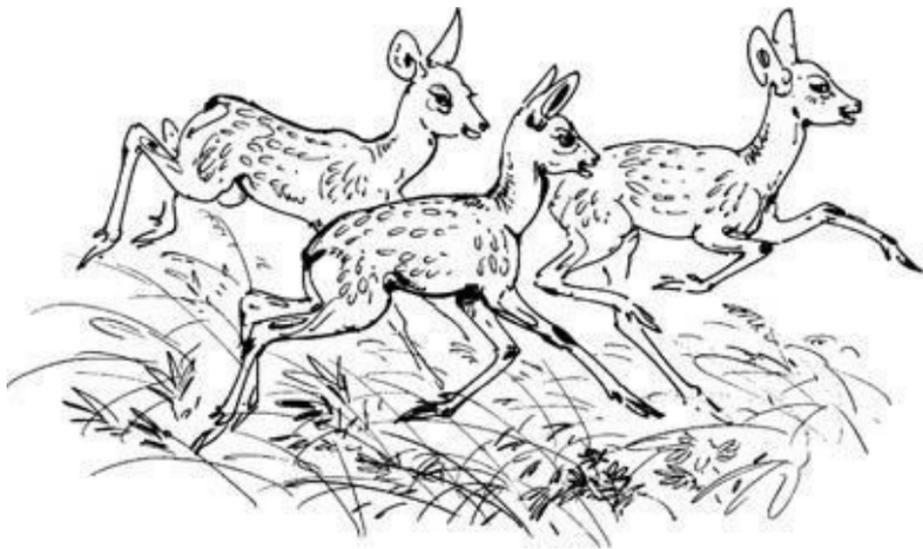
– Что с тобой? – крикнула она.

Но Бемби лишился дара речи, он мог только пролепетать:

– Там... там...

Мать проследила за его взглядом.

– Ах, вот оно что! Это моя кухня Энна. Ну конечно же у нее тоже маленький... нет, целых двое. – Мать говорила весело, но вдруг посерьезнела: – Надо же! У Энны двойня... В самом деле двойня.

Бемби глядел во все глаза. На поляне у опушки он обнаружил существо, очень похожее на его мать. Странно, что он его раньше не заметил. А в траве кто-то по-прежнему выписывал круги, но ничего не было видно, кроме двух рыженьких спинок, двух красноватых тоненьких полосок...

– Идем, – сказала мать. – Вот наконец подходящая для тебя компания.

Бемби охотно бы побежал, но мать выступала медленно, при каждом шаге осматриваясь по сторонам, и ему пришлось сдерживать шаг. Он был очень недоволен, он просто изнывал от нетерпения и любопытства.

Мать рассуждала вслух:

– Я была уверена, что мы встретим тетю Энну. «Где она

пропадает?» – думала я. Конечно, я знала, что у нее тоже ребенок, об этом легко было догадаться. Но двойня!..

Энна наконец-то увидела кузину с племянником. Она позвала детей и двинулась навстречу родичам.

Нужно было бы как следует приветствовать тетку, но Бемби ничего не замечал, кроме своих будущих товарищей.

– Ну, – сказала тетка, обратившись к Бемби, – вот это Гобо, а это Фалина. Можешь с ними играть.

Три малыша стояли как вкопанные, не в силах отвести глаза друг от дружки. Гобо – рядом с Фалиной, Бемби – напротив них. Стояли и смотрели во все глаза. Не шевелясь.

– Пусть их, – сказала мать. – Они сами разберутся.

– Прелестный ребенок! – сказала тетя Энна. – Крепкий, сильный, стройный!..

– Конечно, нам не на что жаловаться, – сказала польщенная мать. – Но у тебя двое, Энна!..

– Да, это так, это так! – подхватила Энна. – Ты же знаешь, дорогая, детьми я никогда не была обижена.

– Бемби мой первенец... – сказала мать.

– Видишь ли, – начала Энна, – раз на раз не приходится. Возможно, что в дальнейшем...

Дети все еще стояли неподвижно, тараща глаза. Ни один не проронил ни слова. Внезапно Фалина подпрыгнула и кинулась в сторону. Ей надоело такое бессмысленное времяпрепровождение.

Бемби бросился за ней, Гобо последовал его примеру.

Они гонялись друг за дружкой, носились взад и вперед, выписывая красивые полукружья. Это было замечательно! Когда же, немного утомленные и запыхавшиеся, они остановились, то уже не было сомнений, что знакомство состоялось. Они принялись болтать. Бемби рассказал о своих беседах с кузнечиком и бабочкой-белянкой.

– А с майским жуком ты разговаривал? – спросила Фалина.

Нет, с майским жуком Бемби не разговаривал. Он даже не был с ним знаком. По правде, Бемби в глаза его не видал.

– Я частенько с ним болтаю, – заметила Фалина чуточку свысока.

– А меня обругал ястреб! – сообщил Бемби.

– Не может быть! – поразился Гобо. – Неужели он тебя обругал? – Гобо вообще легко удивлялся. – А меня ежик уколол в нос, – заметил он, но так, между прочим: Гобо был очень скромн.

– Кто это – ежик? – заинтересовался Бемби. Приятно иметь таких осведомленных друзей.

– Еж – ужасное создание! – воскликнула Фалина. – Весь в иголках и такой злощий!

– Ты думаешь, он злой? – сказал Гобо. – Он же никому не делает ничего плохого.

– А разве он тебя не уколол? – быстро возразила Фалина.

– Ах, я сам приставал к нему с разговорами. Да и уколол-то он меня совсем не больно.

Бемби повернулся к Гобо:

– А почему он не хотел с тобой разговаривать?

– Он ни с кем не желает разговаривать, – вмешалась Фалина. – Когда к нему подходишь, он сворачивается в клубок и весь ошетиливается иголками. Наша мама говорит, что он

вообще ни с кем не водится.

– Может быть, он просто боится? – скромно заметил Гобо.

Но Фалина заявила решительно:

– Мама говорит, что от таких надо держаться подальше.

Бемби спросил Гобо тихонько:

– А ты знаешь, что такое... опасность?

Все трое, разом посерьезнев, тесно сблизили головы.

Гобо задумался. Он и сам хотел бы понять, что такое опасность. Он видел, с каким нетерпением ждет его ответа Бемби.

– Опасность, – прошептал он, – опасность... это очень плохо.

– Я сам понимаю, что плохо, но... какая она?..

Все трое дрожали от страха.

Вдруг Фалина вскричала громко и весело:

– Опасность – это когда надо удирать! – и резво скакнула в сторону.

Ей надоело стоять и бояться неведь чего. Гобо и Бемби прыгнули за ней. И снова началось...

Они прятались, зарываясь в душистый шелк травы, кувыркались, дурачились и совсем забыли о том большом и грозном, что волновало их несколько минут назад. Наигравшись всласть, они снова стали болтать.

Их матери тоже не теряли времени даром: они пощипывали траву и вели дружескую беседу.

Но вот тетя Энна подняла голову и крикнула:

– Гобо, Фалина! Собирайтесь, домой!..

Мать Бемби тоже позвала сына:

– Идем!.. Нам пора!..

– Еще немножечко! – бурно запротестовала Фалина. – Ну еще чуточку!

Бемби умолял мать:

– Побудем еще! Пожалуйста! Здесь так хорошо!

И Гобо повторял застенчиво:

– Так хорошо... еще чуточку!..

И тут случилось нечто, что было куда значительнее и важнее всего, что пережил Бемби в этот день. Из леса донесся грохочущий топот, от которого дрогнула земля. Затрещали сучья, зашумели ветви, и, прежде чем можно было навести уши, это грозно грохочущее вынеслось из чащи, оставив там по себе треск, гул, свист. Словно ураган, промчались Двое по поляне звонко-гремящим галопом и скрылись в чаще; но не прошло и минуты, как они вновь появились на том же месте, что и в первый раз, и замерли на фоне опушки, будто окаменели, шагах в двадцати друг от друга.

Бемби смотрел на них как зачарованный. Они были очень похожи на мать и тетю Энну, но голову каждого из них венчала ветвистая корона в коричневых бусинах и белых зубах. Бемби безмолвно переводил взгляд с одного на другого. Один – поменьше ростом, и корона его скромнее, другой величественно прекрасен. Он высоко и гордо нес голову, и бесконечно высоко возносились его рога. Переливчатый тон их

колебался от совсем темного до белесого; они были усеяны множеством бусин и широко простирали свои сияюще-белые отростки.

– О! – воскликнула Фалина восхищенно.

– О! – тихонько повторил Гобо.

Бемби молчал.

Но вот те Двое зашевелились, повернули в разные стороны и медленно направились к лесу. Величественный олень

прошел совсем близко от детей. В покойной красоте прошествовал он, гордо неся царственную голову и никого не удостоив взглядом. Дети боялись дышать, пока он не скрылся в чаще. Они отважились обменяться взглядом лишь в тот момент, когда лес задержал свой зеленый полог за великолепным незнакомцем.

Фалина первая прервала молчание.

– Кто это был? – воскликнула она, и ее маленький дерзкий голосок дрожал.

Гобо повторил чуть слышно:

– Кто это был?

Бемби молчал.

Тетя Энна ответила торжественно:

– Это были отцы.

Больше ничего не было сказано, и родичи расстались. Тетя Энна с детьми сразу скрылась в ближнем кустарнике – там пролегал их путь. Бемби и его матери пришлось пересечь всю поляну, чтобы попасть к старому дубу, откуда начиналась их тропа. Бемби молчал очень долго. Наконец он спросил:

– Они нас видели?

– Да, они видят всё, – ответила мать.

Странное чувство владело Бемби: он и боялся спрашивать, и не мог молчать.

– Почему они... – начал он и осекся.

Мать пришла к нему на помощь:

– Что ты хотел сказать, маленький?

– Почему они не остались с нами?

– Да, они не остались с нами, – ответила мать, – но настанет время...

– Почему они с нами не говорили? – перебил ее Бемби.

Мать ответила:

– Сейчас они с нами не говорят... но настанет время. Нужно терпеливо ждать, когда они придут, и нужно ждать, когда они заговорят. Все будет так, как они захотят.

– А мой отец будет со мной разговаривать? – замирая, спросил Бемби.

– Конечно, дитя мое. Когда ты подрастешь, он будет с тобой разговаривать. И порой тебе будет дозволено находиться при нем.

Бемби молча шел рядом с матерью, все его существо было потрясено встречей с отцом. «Как он прекрасен! – шептал он про себя. – Как дивно прекрасен!» И все думал о величественном олене.

Мать как будто угадала мысли сына: – Если ты сохранишь жизнь, дитя мое, если ты будешь благоразумен и сумеешь избежать опасности, ты будешь когда-нибудь так же силен и статен, как отец, и будешь носить такую же корону.

Бемби глубоко дышал. Его сердце заходило радостью, тревогой, надеждой...

Время шло, и каждый день приносил новые открытия,

новые переживания. Подчас у Бемби голова шла кругом – столько ему нужно было познать, охватить.

Он научился вслушиваться. Не просто слышать то, что происходит вблизи и, можно сказать, само лезет в уши – в этом нет ничего мудреного, – теперь он умел вслушиваться в те далекие, едва уловимые, легчайшие звуки, что приносит ветер. Ему стал ведом каждый лесной шорох. Он знал, к примеру, что где-то поодаль пробежал сквозь кустарник фазан; он сразу угадывал его особый, лишь ему одному присущий шаг. Он узнавал по слуху летучих мышей, распарывающих ночное небо своим коротким, стремительным полетом. Узнавал мягкий топоток кротов, бегающих взапуски вокруг бузины. Он знал отважный, светлый призыв сокола и улавливал в нем сердитые нотки, когда орел или ястреб вторгались в его владения. Он знал воркованье лесных голубей, далекое, влекущее кряканье уток и многое, многое другое...

Постепенно овладевал он и чутьем. Он научился втягивать ноздрями воздух, то глубоко, то маленькими порция-

ми, будто смакуя каждую понюшку. Когда ветер прилетал с лужайки, он говорил себе: это клевер, это чайная ромашка, а где-то поблизости находится наш друг заяц. Он различал среди ароматов земли, листвы и пахучей смолы едкий запах прошмыгнувшего неподалеку хорька, узнавал, хорошенько принюхавшись к земле, что лиса вышла на охоту, или решал: приближаются наши родичи – тетя Энна с детьми.

Он сдружился с ночью, и его уже не соблазняли прогулки среди бела дня. Он охотно лежал днем в тесной, сумеречной хижине и дремал у теплого бока матери. Время от времени он просыпался, вслушивался и принюхивался, желая знать, что происходит вокруг. Все спокойно. Только маленькие синицы болтают между собой да погуживают не умеющие молчать комары, и голуби не прекращают своей нежной воркотни. Что ему до всего этого? И он снова засыпал.

Ночь нравилась ему куда больше. Все бодрствует, живет, движется. Конечно, и ночью не следует забывать об осторожности, но это не идет ни в какое сравнение с днем. Можно свободно прогуливаться, встречая знакомых, которые тоже чувствуют себя куда беззаботнее, нежели днем. Ночь в лесу празднична и тиха. Правда, и в ночи звучат порой громкие голоса, но это особое дело.

Бемби уважал сову. Ее степенный полет был легок и беззвучен, как полет бабочки. У нее такое выразительное, осмысленное лицо и прекрасные глаза. Бемби удивлялся их твердому, спокойному и смелому взгляду. Он с удовольствием слушал ее разговор с матерью или с другими обитателями леса. Он стоял в сторонке, немного робея под твердо-по-

велительным взглядом совы, и не слишком разбирался в тех умных вещах, о которых шел разговор. Он только чувствовал, что вещи эти очень умны и значительны, и преисполнялся еще большим почтением к сове.

Вдруг сова затягивала песню. «Гха-а-а! Гха-а-а! Гха-ах!» – пела она. Это звучало совсем иначе, чем песня дрозда или иволги, иначе, чем дружелюбный переклик кукушек, но Бемби любил песню совы, чувствуя в ней влекущую таинственность, несказанную мудрость и загадочную грусть.

Еще имелся здесь сыч, небольшой занятный паренек. Хитрый, любопытный и очень тщеславный.

«У-ик! У-ик!» – кричит он пронзительным, надсадным, полным ужаса голосом. И кажется, будто он находится в смертельной опасности. Но это обман. Он приходит в отменное расположение духа, радуется, как дитя, если ему удастся кого-нибудь испугать. «У-ик!» – кричит он так громко, что эхо еще с полчаса разносится по лесу. Сам же он в это время издает про себя смешливое воркованье, которое можно услышать, лишь находясь совсем близко от него.

Бемби вскоре догадался, что сыча радует, когда окружающие пугаются или же думают, что с ним самим стряслась беда. С тех пор Бемби не пропускал случая при встрече с сычом спросить с наигранным беспокойством:

– С вами ничего не случилось?

Или же, притворно трясясь от страха, сказать:

– Ах, как вы меня испугали!

Сыч приходил в восторг.

– Да, да, – посмеивался он, – мой голос звучит ужасно, невыносимо!

И он раздувал перья, отчего становился похожим на мягкий коричневый шарик, что очень шло ему.

Несколько раз бывали грозы. Первый раз это произошло днем, и, по мере того как тьма окутывала их маленькую хижину, страх все сильнее охватывал Бемби. Казалось, будто ночь внезапно спустилась с неба в самый разгар дня. Когда же мощный порыв ветра, рыча, продул лес, сверкнула молния и грохнул раскат грома, Бемби чуть не лишился чувств: ему представилось, что мир вот-вот расколется на куски.

Другой раз гроза застала их в пути. Бемби бежал позади матери. Каждый удар грома словно сдувал его с дороги в кусты, каждый высверк молнии возвращал назад. Бемби потерял над собой всякую власть. Лес казался вымершим, его обитатели попрятались кто куда. Да и как было не прятаться, когда с каждого сучка, с каждой ветки бежал свой водопадик, когда деревья, кусты и травы были пропитаны водой и каждая вспышка молнии отражалась в тысячах капель и струй, будто лес на миг воспламенялся!

Но все имеет конец. Молнии пригасли, их огненные лучи не проникали больше сквозь кроны деревьев. Гром укатил вдаль. Некоторое время еще слышалось его неясное бормотание, затем и оно смолкло. Дождь проредился. Его равномерный шум звучал еще около часа. Сквозь него, сквозь мокрую листву засверкало солнце. Казалось, лес глубоко дышит, подставляя себя свежим, чистым, золотистым струям. И уж никто больше не прятался. Страх исчез, его вымыл вон солнечный дождь.

Никогда еще их приход на поляну не был так ко времени, как в этот вечер после грозы. Впрочем, до вечера еще было далеко. Солнце высоко стояло в небе, воздух был живитель-

но свеж и благоухал пряно и остро. Лес звенел на тысячи голосов, его обитатели повылазили из своих укрытий, хижинок и тайников и спешили поделиться только что пережитым.

Чтоб попасть на поляну, Бемби и его матери нужно было обойти огромный старый дуб, переступивший своими толстыми, узловатыми корнями их тропу. На суке сидела белочка. Она приветствовала мать и сына, как добрых знакомых.

Когда-то, при первой встрече, Бемби принял белочку из-за ее красненькой шкурки за очень маленького олененка. Но тогда он был еще совсем глупым и многого не понимал. Белочка ему очень понравилась. Общительная, приветливая, она отличалась прекрасными манерами, умела замечательно бегать, прыгать и кувыркаться в ветвях дуба. Беседуя, она без усталости носилась вверх и вниз по гладкому стволу, словно это было сущим пустяком. А то усаживалась столбиком на качающейся ветке, опершись на свой пушистый хвост и выставив белую грудку, изящно помахивала лапками, склоняла головку с боку на бок и вмиг наговаривала множество интересных и шуточных вещей...

Вот и сейчас она молниеносно спустилась вниз такими невероятными прыжками, что можно было подумать, будто она кувыркается через голову. Размахивая пушистым хвостом, она кричала:

– Добрый вечер! Добрый вечер! Как мило, что вы пришли!

Мать и Бемби остановились. Белочка скользнула еще ниже по гладкому стволу.

– Ну, – принялась она болтать, – как вы перенесли грозу? Конечно, я вижу, что у вас все в порядке. В конце концов, это самое главное. – Она припустила по стволу вверх, приговаривая: – Нет, внизу слишком сыро. Подождите секунду, сейчас я найду себе местечко получше. Я вас не задерживаю?.. Благодарю вас! Можно прекрасно разговаривать и отсюда.

Бегая взад и вперед по ветке, она продолжала:

– Ну и беспорядок же творится! Шум, треск, скандал! Вы представить себе не можете, как я была испугана. Я забилась в уголок и сидела тихо-тихо, я боялась пошевелинуться. «Ох, только бы пронесло!» – думала я. Правда, мое дерево – лучшая защита в мире, это я могу твердо сказать. Я-то ведь облазила все кругом, другого такого дерева не сыскать. И все-таки волнуешься ужасно!..

Белочка уселась на свой великолепный хвост, показав белую грудку. Она прижимала к сердцу передние лапки, и нетрудно было представить, как сильно она переволновалась.

– Мы идем на лужайку обсушиваться, – сказала мать.

– О, это прекрасная мысль! – воскликнула белочка. – Вы так умны! Недаром я всегда утверждаю, что вы необыкновенно умны! – Одним прыжком она вскочила на верхнюю ветку. – Право, вы не можете придумать ничего лучшего, чем пойти сейчас на поляну. – Легким скачком она достигла вершины дуба. – Я тоже хочу наверх, к солнцу. Я насквозь промокла. Я хочу на самый-самый верх, – болтала она, не заботясь о том, слушают ее или нет.

На поляне было очень оживленно. Там находился и друг-приятель заяц со всей семьей, и тетя Энна со своими ребятишками стояла в кругу знакомых. На этот раз Бемби снова увидел отцов. Они медленно вышли из леса с двух сторон, а потом появился и третий. Затем, сохраняя расстояние, они так же медленно двинулись вдоль опушки. Они ни на кого не обращали внимания и даже друг с другом не разговаривали. Бемби следил за ними с почтительным восхищением...

Потом он болтал с Гобо, Фалиной и еще двумя знакомыми оленятами. Он предложил поиграть. Остальные охотно согласились, и они принялись кружить по поляне. Фалина была самой неугомонной из всех. Свежая, ловкая, неистощимая на выдумки. А вот Гобо вскоре утомился. Гроза вызвала у него сердцебиение, и сейчас это сердцебиение возобновилось. Гобо вообще был слабенький, но Бемби любил его за добрый нрав и неизменную благожелательность. Гобо, правда, был всегда немного грустен, но старался не показывать

этого...

Пришло время, когда Бемби узнал вкус молодых побегов, мягких метелочек, сладкой каши. И теперь, когда он приникал к матери, чтоб немного освежиться, она нередко гнала его прочь.

– Ты уже не маленький, – говорила она, а иной раз добавляла: – Уйди, оставь меня в покое.

Случалось даже, что мать покидала хижину, нисколько не заботясь о том, следует ли за ней Бемби. И во время прогулок она совсем не обращала на него внимания.

Однажды мать и вовсе исчезла. Бемби не понимал, как это произошло, как мог он не заметить ее ухода. Но матери не было. Впервые Бемби остался один.

Сперва он только удивился, потом его охватило беспокойство, быстро перешедшее в страх, а затем лишь глубокая, безнадежная тоска. Долго звучал его потерянный, печальный зов, но никто не откликался, никто не шел.

Тщетно прядал он ушами, тщетно внюхивался. Никого. И он снова звал, совсем тихо, чуть слышно, с робкой мольбой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.